

УДК: 171
DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-99-115
EDN: MSYYLB

А. В. МЕРЦАЛОВ

Московский центр
исследования сознания,
г. Москва

В ЗАЩИТУ СТАНДАРТНОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ: МОЖЕТ ЛИ ЛИЧНОСТЬ БЫТЬ ТИПОМ?

В статье представлена защита стандартной психологической теории тождества личности во времени от критики, предложенной Марком Уокером. Уокер полагает, что стандартная психологическая теория неспособна справиться с так называемыми случаями ветвления в контексте вопроса о моральной и юридической ответственности, и отстаивает преимущества подхода к проблеме тождества личности с привлечением теории типов и токенов. Я полагаю, что привлечение теории типов и токенов скорее лишь усугубляет проблемы, для решения которых Уокер пытается ее применить, и что концептуальных средств стандартной психологической теории достаточно для адекватного анализа случаев ветвления.

Ключевые слова: тождество личности, моральная ответственность, стросонианские теории, психологическая теория тождества личности, теория типов и токенов, ветвление.

Введение. Данная статья продолжает обсуждение работы Марка Уокера «Ветвление — это не баг, а фишка...» [1, 2], начатое в предыдущем номере настоящего журнала в свете публикации её перевода на русский (см. [3, 4]). В этой работе Уокер (вслед за многими другими философами) указывает на недостаточность концептуальных средств *стандартной психологической теории* (далее — СПТ) для решения проблемных случаев *ветвления* (branching) в контексте вопроса о моральной и юридической ответственности и отстаивает преимущества подхода к проблеме тождества личности с привлечением концептуальной схемы различия типов и токенов. Я полагаю, что недостатки предлагаемого Уокером подхода значительно перевешивают достоинства, а также что концептуальных средств СПТ достаточно для адекватного анализа упомянутых проблемных случаев. Для демонстрации этого в первой части настоящей статьи я кратко изложу базовую концептуальную схему СПТ. Во второй части я рассмотрю некоторые из случаев ветвления, считающиеся одними из наиболее проблемных для данной теории. В третьей части я представлю решение этих случаев с привлечением различия типов и токенов, предлагаемое Уокером. Четвертая часть будет посвящена критике его подхода: я покажу, что отстаиваемое Уокером решение не является методологически оправданным, обременено множеством проблем его практического применения и, более того, вряд ли вообще является возможным. В пятой части я обращусь к анализу оснований, в силу которых СПТ обычно признаётся неудовлетвори-

тельной: я попытаюсь показать, что представление о неспособности этой теории справиться со случаями ветвления, выступающее основным мотивом для модификации и дополнения СПТ сторонними концептуальными средствами, по всей видимости, покоится на заблуждениях, рассеивание которых позволяет продемонстрировать достаточность концептуальных средств этой теории для адекватного анализа случаев ветвления. Однако решение вопроса о моральной ответственности в этих случаях зависит в том числе от условий уместности ее возложения. И в шестой части я обращусь к анализу этих условий, выделяемых в ведущих современных теориях моральной ответственности. Их учет и формулировка в терминах СПТ позволит в седьмой части представить решение в рамках данной теории вопроса об уместности возложения моральной ответственности в случаях ветвления, традиционно считающихся для нее наиболее проблемными.

1. Стандартная психологическая теория тождества личности. Проблема тождества личности — это, грубо говоря, вопрос о том, что обеспечивает сохранение личности во времени «той же самой» (the same): в силу чего вы сегодня — та же самая личность, какой были вчера, неделю или год назад¹? Согласно СПТ², это обеспечивается определённого рода психологическими связями, которые вы сегодня имеете с той личностью, какой вы были прежде. Среди них обычно различают отношения психологической связности (connectedness), психологической непрерывности (continuity), R-отношение и отношение нумерического тождества личности.

Базовым для СПТ является понятие *прямой психологической связи* (direct psychological connection) — непосредственного сохранения у личности тех или иных психологических элементов: черт характера, убеждений, воспоминаний, желаний и др. Между личностью, которая вчера вечером легла на вашу подушку, и личностью, какой вы проснулись сегодня, таких связей обычно сохраняются многие тысячи: сегодня вы помните почти всё то же, что помнили вчера, сохранили подавляющую часть убеждений, что имели вчера, стремитесь примерно к тому же, к чему стремились вчера и т.д. Сохранение множества подобного рода психологических элементов, которое можно представить в виде отношения *психологической связности*, согласно психологической теории, как раз и обеспечивает то, что вы сегодняшний — та же самая личность, что и вы вчерашний. Таких прямых психологических связей у личности изо дня в день может сохраняться больше или меньше: отношение психологической связности имеет степени. И если представить, что сегодня у вас осталось только одно воспоминание, одно убеждение и/или одно стремление из всех, что имелись у вас вчера, вы сегодняшний будете радикально отличаться от себя вчерашнего и связность между вами сегодняшним и вами вчерашним будет столь слабой, что, согласно психологической теории, вы сегодняшний просто не будете той же самой личностью, какой были вчера. Чтобы сегодняшняя личность была той же самой, что была вчера, у неё должно сохраняться *достаточное* количество прямых психологических связей, обеспечивающих *сильную* психологическую связность. Различные версии психологической теории могут по-разному определять эту меру достаточности. В рамках СПТ обычно принимается широкая трактовка, предлагаемая, в частности, Дерекком Парфитом, в соответствии с которой о сильной психологической связности можно говорить только в случае, если «количество прямых связей изо дня в день будет составлять, по крайней мере, половину того количества связей, которые изо дня в день имеются в жизни практически каждой реальной личности» [8, р. 206].

Отношение сильной психологической связности является достаточным, но не необходимым условием сохранения личности во времени той же самой. Притом что вы сегодняшний можете быть сильно психологически связны с собой вчерашним, а вы вчерашний — с собой позавчерашним и т.д., вы сегодня можете сохранять не так уж много черт характера, воспоминаний и убеждений из тех, какие были у вас 10 или 20 лет назад; между вами нынешним и вами десятилетия назад в лучшем случае может иметься лишь слабая психологическая связность. Тем не менее обычно мы считаем вполне корректным говорить, что вы сегодняшний являетесь той же самой личностью, что были тогда. Согласно СПТ, основанием тому служит отношение *психологической непрерывности*, под которым понимается наличие цепочки пересекающихся звеньев сильной связности. Вы сегодняшний можете быть существенно отличны в психологическом плане от того, каким были десятилетия назад, но если сквозь все эти годы проходит неразрывная цепочка пересекающихся звеньев сильной психологической связности, имевшейся у вас изо дня в день на протяжении этих лет, можно утверждать, что между вами нынешним и вами десятилетия назад имеется психологическая непрерывность, в силу которой вы

сегодняшний будете оставаться той же самой личностью, что были тогда.

Психологическая непрерывность может сохраняться в силу разных причин. Психологическая непрерывность с «правильным» типом причины именуется *R-отношением*. Различные версии психологической теории могут признавать правильными разные типы причин. Стандартно выделяют *обычные* (normal) причины, такие как непрерывное существование мозга и/или тела личности, *надёжные* (reliable) причины, обеспечивающие достоверное сохранение психологической непрерывности, каковыми могут выступать не только обычные причины, но и, например, некоторые гипотетические технологии (наподобие телепорта), и даже просто *любые* (any) причины. Сидни Шумейкер, например, подчеркивает значимость такого типа причинной связи, релятами которой выступают только ментальные состояния [10, р. 277–80]; Уолтер Глэнон признаёт правильным обычный тип причины [12, р. 231–49]; Дерек Парфит в общем случае готов признать правильным любой тип причины [8, р. 215]. Поскольку и здесь позиция Парфита представляется наиболее широкой, ее можно принять в качестве базового положения СПТ.

Будучи более широким отношением, чем психологическая связность³, R-отношение признаётся не только достаточным, но и необходимым условием сохранения личности во времени той же самой. Этим объясняется центральная роль R-отношения в рамках СПТ: X является той же самой личностью, что и Y, если и только если X и Y находятся в R-отношении, то есть в отношении психологической непрерывности с правильным типом причины⁴. При этом R-отношение не эквивалентно отношению нумерического тождества личности. В отличие от последнего, R-отношение может связывать личность в один момент времени более чем с одной личностью в другой момент, тогда как нумерическое тождество всегда является взаимнооднозначным. В этом смысле нумерическое тождество является подтипом R-отношения: это *неразветвленное* R-отношение. Поскольку R-отношение и отношение нумерического тождества не эквивалентны, СПТ допускает возможность таких случаев, когда личность в один момент времени будет находиться с личностью в другой момент времени в R-отношении, но при этом не будет ей тождественна. Случаи такого рода называются *случаями ветвления*. Они традиционно считаются проблемными для СПТ: считается, что подобные случаи демонстрируют абсурдность выводов, к которым ведёт данная теория, что особо отчетливо проявляется в контексте вопроса о моральной и юридической ответственности.

2. Случаи ветвления личности. Одним из классических примеров ветвления, представляемых в качестве проблемных для СПТ, является случай деления (division) личности⁵. Наиболее известная его формулировка принадлежит Парфиту: «Моё тело получило несовместимые с жизнью повреждения, как и мозги двух моих братьев. Мой мозг разделили, и каждую из его половин успешно пересадили в тело каждого из моих братьев. Каждая из получившихся в итоге личностей считает себя мной, обладает моим характером, каждой из них кажется, что она помнит, как проживала мою жизнь, и во всех остальных отношениях каждая из них психологически непрерывна со мной. И каждая из них обладает телом, которое очень схоже с моим» [8,

р. 254 – 255]. Назовем Левшой ту итоговую личность, которой досталась левая половина мозга исходной личности, или Оригинала, а ту, которой досталась правая половина, — Правшой. Каждая из итоговых личностей обладает по меньшей мере половиной психологических черт, которыми обладал Оригинал, а стало быть, сильно психологически связана с Оригином; при этом психологическая непрерывность, следующая из сильной связности, в данном случае обеспечивается обычной причиной, сохранением (части) мозга исходной личности, в силу чего можно сделать вывод о том, что каждая из итоговых личностей будет находиться в R-отношении с Оригином, а значит, согласно СПТ, будет той же самой личностью, что и Оригинал. Если, как это традиционно делается, отношение 'быть той же самой личностью' понимать как отношение нумерического тождества, тогда придется заключить, что (i) Левша нумерически тождествен Оригиному и (ii) Правша нумерически тождественна Оригиному; однако очевидно, что (iii) Левша нумерически не тождественна Правше — после успешно проведенной операции по пересадке полушарий мозга они становятся двумя разными личностями⁶. Как отмечает Марк Уокер, рассматривая данный пример: «Эти выводы абсурдны, если принять тезис о том, что истинные высказывания о тождестве транзитивны. Но в этом случае триада наших высказываний (i) – (ii) – (iii) содержит противоречие. И поэтому в действительности должно быть так: либо Левша и Правша — это одна и та же личность, либо Левша или Правша (а может быть, и они оба — и Левша, и Правша) не тождественны Оригиному»⁷ [2, с. 107].

С аналогичными трудностями СПТ сталкивается, как обычно считается, и в случаях ветвления иного рода — в ситуациях копирования (copying) личности. Один из примеров такого рода является центральным для работы Уокера. Опуская подробности, его можно представить следующим образом. Незадолго до своей кончины Гитлер (*H1*), совершивший страшные преступления против человечества, пользуясь передовыми инопланетными технологиями, создает своего точного и полного физического дубликата (*H2*). Последний обладает всеми воспоминаниями, убеждениями и прочими психологическими чертами оригинального Гитлера, на момент создания являясь его полной психологической копией. Таким образом, *H2* находится в отношении столь же сильной психологической связности с Гитлером, каким он был до дубликации, что и оригинальный Гитлер после дубликации; и хотя предполагается в данном случае причина психологической непрерывности необычна, ее можно считать достаточно надежной, чтобы не оставалось сомнений в том, что *H2* и оригинальный Гитлер находятся в R-отношении. Согласно СПТ, это означает, что *H2* — та же самая личность, что и оригинальный Гитлер. Но то же можно сказать и про *H1* после операции, психологическая непрерывность которого с Гитлером до операции сохраняется в силу обычных причин⁸. И здесь, как предполагается, СПТ сталкивается с аналогичной трудностью, что и в примере выше: притом что и *H1* после операции, и *H2*, будучи каждая связаны R-отношением с оригинальным Гитлером, должны признаваться той же самой личностью, что и оригинальный Гитлер, *H1* и *H2* не тождественны, и, по сюжету, вскоре *H1* кончает жизнь самоубийством, а *H2* предстаёт перед судом. Представление о том, что *H2* — та же самая личность, что и оригинальный Гитлер,

поскольку они связаны R-отношением, побуждает считать, что на *H2* было бы уместным возлагать моральную и юридическую ответственность за совершенные оригинальным Гитлером преступления. Однако, поскольку *H1* и *H2* не тождественны и *H2* не существовал на момент совершения оригинальным Гитлером преступлений, необходимо, как представляется, признать, что *H2* не совершал преступлений оригинального Гитлера; и так как моральную и юридическую ответственность за преступления было бы неуместно возлагать на того, кто их не совершал, *H2* должен быть признан невиновным. Таким образом, кажется, что СПТ в данном случае приводит к неразрешимой моральной дилемме, что должно указывать на несостоятельность этой теории.

3. Решение Уокера: теория типов и токенов.

Уокер считает, что *H2* должен понести наказание. Одним из главных оснований для этого решения, насколько можно судить, служит та простая интуиция, что, создав полную физическую и психологическую копию Гитлера, мы не получим одного Гитлера и одну невинную личность — мы получим двух Гитлеров. Создав копию преступника, мы получим двух преступников; и, если мы полагаем, что преступники должны нести наказание, они, как кажется, должны нести его вне зависимости от того, являются ли они оригиналами или копиями. В пользу этого Уокер приводит и практические соображения: он полагает, что освобождение копий исходной личности от ответственности грозит лишит закон и мораль их сдерживающей функции. Если принять, что копии личностей не должны нести ответственности за действия оригиналов, реализация технологии дубликации приведёт к кратному увеличению числа преступных личностей в обществе, что грозит обернуться «катастрофическим ростом преступности» [2, с. 104], и «в этом случае распад любого цивилизованного общества не заставит себя долго ждать» [2, с. 105] — и эта угроза, насколько можно понять, воспринимается Уокером как вполне реальная, поскольку сама технология создания точных и полных копий личностей представляется им реально возможной (не противоречащей актуальным законам природы) и могущей быть реализованной в будущем [2, с. 102–103]. Во избежание столь катастрофического сценария дубликаты, включая *H2*, по Уокеру, должны нести наказание за преступления своих оригиналов. Однако, подчёркивает Уокер, их наказание должно быть *заслуженным*: предупреждение будущих преступлений не является основанием для наказания невиновных. Но как *H2* может заслуживать наказания, быть уместным объектом возложения моральной и/или юридической ответственности, если *H1* и *H2* нумерически не тождественны и в тот момент, когда оригинальный Гитлер, *H1*, совершал свои преступления, *H2* не существовал и потому, очевидным образом, не совершал этих преступлений?

Для ответа на этот вопрос Уокер предлагает обратиться к различию типов и токенов. Стоит отметить, что Уокер не является новатором в привлечении этого различия к проблеме тождества личности. Рассуждения на этот счёт в контексте обсуждения проблемы ветвления можно найти, в частности, у Бернарда Уильямса [17, р. 80–81], Эндру Бреннана [19, р. 48–50; 20], Дерека Парфита [8, р. 293–297] и ряда других теоретиков. Само же это различие было введено Чарльзом Пирсом в первую очередь для нужд логики и философии языка [21,

р. 423–424], найдя впоследствии широкое применение во множестве иных областей философии. В целом под типами обычно имеются в виду абстрактные сущности, а под токенами — их конкретные физические инстанции (воплощения, реализации и т.п.). В этом смысле, например, «когда мы собираемся в книжном клубе, желая обсудить *Великого Гэтсби*, не будет ошибкой сказать, что мы принесли четыре книги, чтобы поговорить об одной книге... Мы читаем один и тот же тип книги, но не одни и те же токены, — у каждого из нас имеется свой экземпляр. Тип книги индивидуализируется ее содержанием; токены же книг различаются (по крайней мере частично) их физическими характеристиками» [2, с. 109]. Согласно Уокеру, деление на типы и токены применимо также и к личностям при решении вопроса об их тождестве во времени: «Ключевая идея этого подхода заключается в следующем: подобно токенам книги, каждый токен личности имеет определенные физические характеристики. Токены личностей различимы благодаря разным телам. Так же как разные типы книг индивидуализированы своим содержанием, типы личностей индивидуализированы психологическими состояниями» [2, с. 110].

Применение данного различия позволяет представить *H1* и *H2* в качестве двух токенов одного типа личности, обозначаемого Уокером как «*ГИТЛЕР*», и признать справедливыми следующие положения: а) «Лишь один тип личности совершил преступления против человечества», а именно — *ГИТЛЕР*; б) «Лишь один токен личности совершил преступления против человечества», а именно — *H1*; в) «*H1* и *H2* не тождественны как токены... *H1* и *H2* имеют разные тела; этого достаточно, чтобы различать их как два разных токена, даже если они тождественны как тип»; г) «*H1* и *H2* тождественны как тип, поскольку обладают идентичным психологическим 'содержанием' и сохраняют отношения психологической <непрерывности>» [2, с. 110].

Принятие этих положений позволяет Уокеру заключить, что тот факт, что *H1* и *H2* не тождественны как токены и преступления совершал именно *H1*, но не *H2*, не является основанием для признания *H2* невиновным. Ответственность, отмечает он, «сущностным образом связана с психологическими состояниями» [2, с. 110], но психологические состояния индивидуализируют типы, а не токены личностей⁹. И так как «*H1* и *H2* разделяют соответствующие психологические состояния и эти психологические состояния служат локусом ответственности за преступления против человечества, они также разделяют и равную ответственность» [2, с. 110]. Поскольку, по Уокеру, ответственность возлагается на личности в силу их психологического состояния, а последнее характеризует типы, а не токены личностей, объектами возложения ответственности являются именно типы личностей; а это значит, наказание за совершённые преступления должны нести все токены одного типа, будь их один, два или сколь угодно много. При этом Уокер стремится сохранить положение о том, что ответственность за некоторое действие должна нести та же самая личность, которая его совершила. С этой целью он отрицает общее утверждение о том, что *H1* и *H2* не являются тождественными: «Даже если *H2* и является отличным от *H1* токеном, он разделяет с ним один и тот же (преступный) тип личности» [2, с. 110], и поскольку именно такое типовое тождество, по Уокеру, релевантно для ре-

шения вопроса об ответственности, *H1* и *H2* оказываются тождественными в нужном смысле, чтобы на *H2* было уместно возлагать ответственность за преступления оригинального Гитлера. Признание того, что «ответственность за преступления против человечества лежит на *ГИТЛЕРЕ*, и на этом основании такие токены *ГИТЛЕРА*, как *H2*, могут быть привлечены к ответственности», и позволяет Уокеру сделать вывод, что «*H2* несет ответственность за преступления против человечества и поэтому заслуживает наказания. И так как *H2* будет привлечен к ответственности за преступления против человечества и соответствующим образом за них наказан, это позволит нам успешно реализовать функцию сдерживания» [2, с. 110].

Аналогичным образом, как демонстрирует Уокер, применение различия типов и токенов к проблеме тождества личности позволяет снять затруднения и в случаях ветвления иного рода, что говорит о преимуществах преимуществ предлагаемого им подхода и позволяет представить ветвление не неразрешимой проблемой, не 'багом', но элементом теории, её привлекательной особенностью, своеобразной 'фичей', что особенно ценно с учётом принимаемого Уокером допущения реальной возможности появления в будущем технологии копирования личности. Предлагаемое Уокером решение, однако, не лишено собственных проблем, которые, как я считаю, значительно перевешивают его достоинства.

4. Проблемы решения Уокера. Применение различия типов и токенов к проблеме тождества личности во времени подаётся Уокером в качестве возможного, методологически оправданного и имеющего определенные практические преимущества в решении вопросов моральной и юридической ответственности. Однако каждое из этих достоинств можно оспорить, и Уокер сам указывает на некоторые проблемные места его подхода [2, с. 111]. В данной работе у меня нет возможности подробно остановиться на каждом из них, упомяну лишь некоторые, сгруппировав их в три условных класса.

Первый класс затруднений можно назвать *методологическим*. Его составляют новые вопросы и проблемы, которые открываются перед теорией тождества личности при дополнении ее различием типов и токенов. Здесь в первую очередь важно подчеркнуть, что предлагаемое Уокером решение, как он сам указывает [2, с. 111], не является теорией тождества личности: оно не содержит ответа на вопрос о том, что обеспечивает сохранение тождества личности во времени, и не предлагает какого-либо критерия, позволяющего это тождество устанавливать и отслеживать.

Фактически, будучи лишь предложением дополнить дискуссию о тождестве личности концептуальным аппаратом различия типов и токенов, оно только удваивает проблему, и вместо одного вопроса о тождестве личности мы сталкиваемся с двумя: (1) о сохранении во времени тождества одного токена личности (о том, что сохраняет *H1* после дубликации тем же самым токеном, каким он был до дубликации); (2) о сохранении во времени тождества разных токенов как одного типа личности (о том, что сохраняет тождество *H1* и *H2* как одного типа *ГИТЛЕРА*). И хотя само по себе такое расширение проблемы тождества личности не является критичным, ни один из этих вопросов, как полагает и сам Уокер, не имеет на сегодняшний день удовлетворительного ответа.

В частности, поскольку токены личности, по Уокеру, индивидуируются физическими характеристиками их тел, критерий их тождества во времени должен быть, по всей видимости, критерием их физической непрерывности, а значит, — сталкиваться с хорошо известными проблемами, вроде парадокса корабля Тесея [2, с. 111] или проблемы конституции [22]. Что же касается вопроса о тождестве разных токенов личности как одного типа, то он сталкивается, по крайней мере, с двумя большими проблемами: проблемой вариативности токенов и проблемой множественности инстанцируемых ими типов.

Первая из них состоит в том, что не вполне ясно, сколь узким или сколь широким является предел вариативности токенов, чтобы они все еще могли считаться токенами одного типа. Так, если критерий индивидуации типов по их содержанию (что в случае типов личностей означает их индивидуацию по психологическим состояниям) принимать в жесткой форме, то малейшее изменение психологического состояния индивида (вызванное, например, простым переводом взгляда) будет превращать его в личность другого типа, подрывая основания для сохранения личности во времени той же самой, равно как и для сохранения ее ответственности за действия личности того типа, какой она была мгновение назад. Однако столь жесткий критерий обычно не применяется нами для установления типового тождества токенов в случаях, когда речь идет не о личностях: обычно мы допускаем, что токены одного типа могут иметь определенную вариативность. В частности, мы не считаем, что переиздание книги с исправлениями и дополнениями является публикацией нового произведения, или что незначительные отличия в исполнениях песни делают их исполнениями разных песен и т.д. Это поднимает вопрос о пределе такой вариативности: сколь различными по своим психологическим состояниям могут быть токены, чтобы они все еще могли считаться токенами одного типа личности?

Уокер рассматривает пример, в котором *H1* и *H2* сосуществуют во времени, но при этом *H1* уже после дубликации нарушил правила дорожного движения, перейдя улицу в неподходящем месте, тогда как *H2* этого не делал [2, с. 111]. Согласно Уокеру, поскольку ответственность возлагается на тип, а не на токен личности, *H1* и *H2* будут являться токенами одного типа в том, что касается их преступлений против человечества, но токенами разного типа в том, что касается нарушения ПДД, за которое *H2* не будет нести ответственности. Это предполагает, что вариативность токенов одного типа должна быть довольно узкой, чтобы ухватывать подобное различие между *H1* и *H2* после дубликации. С другой стороны, такая вариативность должна быть довольно широкой, чтобы допускать, что токены *H1* и *H2* образца 1945-го года являются токенами того же типа, что и, например, токен молодого австрийского художника 1910-го года, коль скоро *H1* и *H2* будет справедливо называть авторами не только ужасных преступлений, но и некоторых картин. Установить же какой-то общий предел вариативности токенов, который был бы адекватно применим в любой ситуации, оказывается, по всей видимости, невозможным. Это, в свою очередь, подрывает возможность устанавливать принадлежность токенов к одному или к разным типам по принципу идентичности (или хотя бы подобия) их психологических состояний. Так, несмотря на почти полное психологическое сходство, нару-

шивший ПДД токен *H1* и токен *H2*, этого не делавший, будут принадлежать разным типам личности, тогда как токен художника, существенно отличающийся от них обоих в психологическом плане, будет принадлежать общему с ними типу, выделяемому по признаку авторства в отношении ряда картин. Сам Уокер в этой связи обращается к традиционным критериям психологической непрерывности [2, с. 110] и общности каузальной истории [2, с. 111], что, на мой взгляд, только укрепляет сомнения в методологической оправданности введения различия типов и токенов в контекст проблематики тождества личности во времени.

Проблема же инстанцируемости одним токеном разных типов личности, заключается в том, что не вполне ясно, принадлежность токена к каким типам следует считать значимой для установления релевантного типового тождества его с другим токеном. Типы могут выделяться практически по любым характеристикам и их сочетаниям. Можно, например, утверждать, что *H1* одновременно инстанцирует типы 'автор картин', 'преступник', 'нарушитель ПДД', а также типы 'автор картин и преступник', 'преступник и нарушитель ПДД', 'автор картин и нарушитель ПДД', равно как и тип 'автор картин, преступник и нарушитель ПДД'. По условиям примера, *H2* совпадает с *H1* по всем характеристикам, за исключением одной — он не нарушал ПДД. Однако даже такое минимальное различие приводит к тому, что общими для *H1* и *H2* будет менее половины типов (3 из перечисленных 7)¹⁰, а это вновь указывает на то, что близость психологических состояний токенов как таковая ничего не говорит об их принадлежности к одному или разным типам. Множественность инстанцируемых токенами типов также поднимает и проблемы атрибуции психологических состояний, действий и ответственности за них.

Представим, что *H1* придумал расистскую шутку. Какой тип личности будет характеризоваться этим психологическим состоянием? Должны ли мы будем сказать, что им будут характеризоваться все инстанцируемые *H1* типы личности? Или только те типы, что не инстанцируются больше ни одним токеном? Или что, придумав шутку, *H1* начал инстанцировать множество новых типов (вроде 'придумавшего шутку автора картин', 'придумавшего шутку преступника', 'придумавшего шутку автора картин и нарушителя ПДД' и т.д.), которые не были инстанцированы прежде? И, соответственно, какой из этих типов личности будет уместно за эту шутку осуждать? На все подобного рода вопросы также не обнаруживается хороших ответов¹¹.

Введение различия типов и токенов в контекст проблематики тождества личности, которое, по задумке, должно упрощать решение вопросов о моральной и юридической ответственности через признание нескольких различных токенов одним типом личности, единым объектом ответственности, в действительности ведет к умножению и токенов, и типов, и проблем, связанных с определением их тождества, из которых одни, по крайней мере на первый взгляд, не имеют хорошего решения вообще, тогда как другие требуют возврата к стандартным концептуальным средствам теорий тождества личности, вроде психологической непрерывности. В силу этого предлагаемое Уокером введение различия типов и токенов представляется методологически неоправданным.

Допустим, однако, что нам некоторым образом удалось снять все подобного рода методологические трудности. Это ещё не будет снимать проблем иного рода, в частности, носящих в большей степени практический характер. Проблемы этого второго класса связаны с вопросами влияния на нашу обычную практику межличностных отношений принятия допущения о том, что личности могут быть типами. Представим, что некто давно влюблен в Мэри Смит; и допустим, что только что она прошла процедуру дубликации, так что теперь одновременно существует множество ее копий. Что будет представлять собой любовь к Мэри Смит с учетом различия типа и токенов этой личности? Поскольку, по Уокеру, токены личности индивидуируются исключительно по их физическим телам, любовь к некоторому конкретному токену Мэри Смит, как отмечает Парфит, была бы сродни страсти и «чистой физической или сексуальной одержимости телом личности — одержимости, которую не заботит психологическая составляющая личности» [8, р. 295]. Привычный нам вид любви отличен от такого рода страсти, его заботит психологическое содержание личности. Но поскольку психологическое содержание, по Уокеру, характеризует не токены, а типы личностей, это была бы любовь к типу Мэри Смит. Любовь к типу, в отличие от привычной нам любви к индивидам, словами Уильямса, была бы похожа «на любовь к произведению искусства, воспроизводимому в разных формах... желание быть рядом с любимой личностью было бы подобно острому желанию услышать некое, пусть даже посредственное, исполнение 'Фигаро' — точно так же, как некто скорее пошел бы на самостоятельную провинциальную постановку 'Фигаро', чем предпочел бы вовсе не услышать 'Фигаро', некто скорее повидался бы с самой зачуханной Мэри Смит, оказавшейся неподалеку, чем предпочел бы вовсе не увидеться с Мэри Смит» [17, р. 81]. Уильямс заключает, что «при таком рассмотрении многое из того, что мы зовём любовью к личности, начинает трещать по швам» [17, р. 81]; и Парфит соглашается с ним в этом: «Такая любовь сильно отличалась бы от обычной любви и была бы возмутительна. Она угрожала бы многому из того, что мы ценим» [8, р. 297].

Рассуждения Уильямса и Парфита демонстрируют, каким образом привычные нам межличностные отношения способны обретать чуждые, извращенные и даже отталкивающие формы при привлечении различия типов и токенов. Но то же, как представляется, можно продемонстрировать не только для любви, но и для отношений благодарности и обиды, негодования и восхищения, равно как и для поощрения, наказания и иного рода позитивных и негативных санкций — для отношений, специфических для моральной и юридической ответственности, находящейся в фокусе внимания Уокера. Как отмечалось, по Уокеру, поскольку «психологические состояния служат локусом ответственности», и при этом психологические состояния характеризуют типы личностей, а не их токены, объектами возложения ответственности являются именно типы [2, с. 110]. Так, несмотря на то что «токен *H2* не принимал физического участия в совершении преступлений против человечества... обвинение... выдвинуто именно против типа *ГИТЛЕРА*» [2, с. 110], и, поскольку токен *H2* принадлежит этому типу, по Уокеру, он должен понести наказание. Однако в общем случае ситуации, скажем,

уместной обиды на какого-то человека не являются ситуациями, в которых была бы уместной обида на всех людей 'того же типа'. Например, в случае, когда вы обратились к соседу по квартире слева за солью и получили грубый отказ, могло бы быть вполне уместным обидеться на этого соседа слева, но одно это еще не является поводом для уместности обиды на соседа справа или этажом выше, к которым вы не обращались, — даже если принять, что другие ваши соседи являются личностями 'того же типа' и точно так же отказали бы вам в грубой форме. Аналогичное, как представляется, верно и для случаев юридической ответственности. Возложение моральной и/или юридической ответственности на все токены одного типа вне зависимости от фактического совершения этими токенами предосудительных действий, несмотря на попытки Уокера представить такие ситуации в качестве беспроблемных и интуитивно приемлемых, фактически ведет к возложению ответственности (обиды или наказания) на невиновных, или к так называемому 'телеванию' (прибегая к используемому Уокером термину Джона Ролза [26, р. 11; 2, с. 106]), которое в сравнении с заслуженным и справедливым наказанием представляется столь же извращенным и возмутительным, что и любовь к типу личности в сравнении с привычной нам любовью. Таким образом, практическая имплементация различия типов и токенов личностей приводит, по всей видимости, к неприемлемому искажению привычных нам межличностных отношений, что служит доводом против предлагаемого Уокером подхода.

Наконец, третий класс затруднений связан с вопросом о том, могут ли личности в принципе быть типами и, в частности, могут ли типами быть такие личности, как мы. Тип — это абстрактная сущность, универсалия, подобная числам. И ключевая проблема здесь даже не в том, что на типы представляется затруднительным возлагать ответственность¹², а в том, что, по всей видимости, мы в принципе не можем быть абстрактными сущностями. В частности, как отмечает Парфит, если мы принимаем, что личность есть нечто, что может начать существовать и перестать существовать, личность не может быть типом: «...если бы я был типом личности, я в принципе не мог бы перестать существовать. Даже если бы сейчас не существовало токенов моего типа личности, существовал бы сам этот тип личности. Тип личности выжил бы даже при уничтожении Вселенной... Мы не можем считать себя абстрактными сущностями» [8, р. 296–297]. К тому же выводу приходит и Эрик Олсон, отмечая, что абстрактные объекты, в отличие от обычных, являются неизменяемыми и каузально инертными сущностями: «Универсалии ничего не делают. Они не совершают никаких действий. Они не подвержены изменениям... Универсалии бездеятельны и неизменны. Но я не являюсь бездеятельным и неизменным... Иногда я чувствую усталость, иногда слышу, как дует ветер, иногда мечтаю оказаться где-нибудь в другом месте — а иногда нет. Не может быть так, чтобы эти внутренние изменения во мне, кажущиеся реальными, на самом деле были лишь Кэмбриджскими изменениями. Не может быть, чтобы, когда мне кажется, что я устаю, в действительности уставало бы нечто иное — конкретный инстанцирующий меня человеческий организм — тогда как сам я всегда оставался бы неизменным. Если я являюсь универсалией, то я не мыслю и не действую — по крайней мере, в собственном

смысле. Тот, кто мыслит эти мысли и является автором этих слов, не является универсалией. Но разве не я мыслю эти мысли и являюсь автором этих слов? Если существует некая конкретная вещь, которая мыслит мои мысли и совершает мои действия, а также неизменная универсалия, которая может быть названа мыслящей и действующей лишь в слабом смысле наличия ее конкретной мыслящей и действующей инстанции, разве не очевидно, что я буду этой конкретной вещью?» [23, р. 148–149].

К выводу о том, что мы не можем быть типами личности, можно прийти и от наблюдений за тем, как осуществляется референция используемых нами имен и местоимений, обозначающих личности¹³. Допустим, *H1* нарушил ПДД и говорит: 'Я нарушил ПДД'. Это высказывание истинно. Но к чему отсылает произнесённое им местоимение 'я'? Оно может указывать либо на токен, либо на тип личности. Если оно указывает на тип, то произнесенное *H1* высказывание будет ложным, поскольку существуют токены личностей одного с ним типа (например, *H2*), которые не нарушали ПДД и для которых будет истинным обратное утверждение: 'Неверно, что я нарушил ПДД'. Таким образом, если *H1* нарушил ПДД и произносит истинное высказывание 'Я нарушил ПДД', употребляемое им местоимение 'я' может указывать только на токен личности. То же, как представляется, справедливо и для любых иных случаев употребления личных местоимений, а также имен собственных. Но если 'я' всегда указывает на токен личности, тогда высказывание 'Я есть тип личности' всегда будет ложным. А если мы не можем истинно утверждать, что являемся типами, мы не можем быть типами.

Отстаиваемое Уокером решение проблемных случаев ветвления с привлечением различия типов и токенов личности, позиционируется им в качестве возможного, методологически оправданного и имеющего практические преимущества. Тем не менее каждое из этих достоинств можно поставить под сомнение: существуют весомые основания полагать, что предлагаемый Уокером подход не способствует решению, но скорее лишь умножает проблемы, в силу чего не является методологически оправданным, что в практическом отношении он скорее влечёт искажение, если не извращение привычных нам межличностных отношений, представляющиеся неприемлемым, и что личность в принципе не может быть типом, и следовательно, что решение Уокера является несостоятельным.

5. Источники критики стандартной психологической теории. Основным мотивом привлечения различия типов и токенов в контекст проблематики тождества личности для Уокера выступает неудовлетворенность имеющимися решениями вопросов моральной и юридической ответственности в случаях ветвления в рамках психологической теории. Считается, что СПТ неспособна представить адекватный анализ случаев копирования, деления и иного рода мультипликации личности и дать ответ на вопрос о том, на какую из итоговых личностей было бы уместным возлагать ответственность за действия исходной. Рассматриваемые Уокером модификации этой теории, предполагающие запрет на ветвление, либо допущение существования итоговых личностей еще до момента ветвления, как в теории Дэвида Льюиса [9], также не лишены собственных проблем. Это может побуждать либо, как Уокера, к попыткам дополнения СПТ сторонними

концептуальными средствами для анализа случаев ветвления, либо, как многих других теоретиков, к отказу от психологической теории в целом. Однако я полагаю, что ресурсы СПТ сильно недооценены. Я считаю, что их достаточно для адекватного анализа случаев ветвления. Неблагоприятная оценка возможностей СПТ, насколько я могу судить, имеет два основных источника, и оба они должны быть отвергнуты.

Одним из таких источников является трактовка отношения 'быть той же самой личностью' как отношения нумерического тождества. Как это подчеркивалось мной во второй части настоящей статьи, в случаях ветвления принятие данной трактовки действительно ведет к абсурдным выводам, отмечаемым Уокером, Парфитом и многими другими теоретиками: в случае деления, равно как и в случае копирования, каждая из итоговых личностей, согласно СПТ, является той же самой личностью, что и оригинальная, и если отношение 'быть той же самой личностью' понимать через нумерическое тождество, то в силу транзитивности отношения тождества итоговые личности также должны считаться тождественными друг другу, а поскольку они очевидным образом не тождественны, мы неизбежно приходим к противоречию. Однако сторонники СПТ, по всей видимости, не просто не обязаны, но и не должны принимать такую трактовку. Действительно, как это отмечалось мной в первой части статьи, в рамках СПТ отношение 'быть той же самой личностью' понимается через R-отношение; но R-отношение отличается от нумерического тождества, которое в рамках СПТ совпадает лишь с его частным случаем — неразветвленным R-отношением. Соответственно, при приложении СПТ к случаям ветвления (как, впрочем, и к любым иным случаям) отношение 'быть той же самой личностью' также должно пониматься через R-отношение, а не через нумерическое тождество.

Такая трактовка не является неким неожиданным следствием СПТ, но входит в число ее базовых положений, и потому простое ее отрицание или игнорирование не может служить основанием для критики данной теории. Поэтому, например, когда Уокер, представляя СПТ и определяя отношение 'быть той же самой личностью' ('the same person') в ней через психологическую непрерывность (учет причин которой дает R-отношение), тут же переходит к анализу случая деления в терминах тождества [1, р. 181], он совершает подмену понятий, вследствие чего представляемая им критика бьет мимо СПТ. Эта ошибка, впрочем, не является недостатком исключительно подхода Уокера, но является довольно распространенной и характерной для многих других критиков СПТ.

Одной из причин ее распространенности, по всей видимости, может выступать неочевидность того, каким образом вообще одна личность может быть 'той же' (*the same*), что и другая, но при этом не быть с ней 'одной и той же' личностью (*one and the same person*), то есть не быть с ней нумерически тождественной. Действительно, в обыденной жизни эти отношения — первое из которых является более широким, чем второе, включая его в себя как вид — всегда, как кажется, совпадают, и мы нередко считаем описывающие их выражения синонимичными. Однако рассматриваемые в мысленных экспериментах необычные случаи, в которых одно отношение сохраняется в отсутствие другого, вроде случаев ветвления, как раз и демонстрируют их раз-

личие, и это различие имеет явную практическую значимость. Предполагается, что в случаях ветвления (деления, копирования и т.п.) мы можем вполне резонно задаваться вопросами об уместности возложения моральной и юридической ответственности на какие-то из итоговых личностей за действия исходной, о переносе любви с оригинала на копию, о выживании исходной личности и т.д., поскольку в некотором релевантном смысле итоговая личность остаётся 'той же самой', что и исходная. Однако в подобного рода случаях отношение нумерического тождества между исходной и итоговыми личностями не сохраняется. Это указывает не только на то, что отношение 'быть той же самой личностью' и отношение нумерического тождества различны, но и на то, что, поскольку в отсутствие нумерического тождества сохранение оснований для возложения ответственности, любви и т.п. представляется возможным, они должны обеспечиваться не нумерическим тождеством, но именно этим вторым отношением. Но если возложение ответственности (любовь, выживание и т.п.) в случаях ветвления обеспечиваются отношением 'быть той же самой личностью', а не нумерическим тождеством, то и в обычных случаях они, по-видимому, должны обеспечиваться им же, пусть даже в обычных случаях отношение 'быть той же самой личностью' и нумерическое тождество всегда идут вместе [8, р. 279, р. 282–283].

СПТ обладает всеми необходимыми концептуальными средствами для анализа подобного рода случаев, для прояснения различия между указанными отношениями и для раскрытия релевантного для обозначенных практических вопросов смысла, в котором при ветвлении итоговая личность остаётся 'той же самой', что и исходная. Согласно СПТ, сохранение личности во времени той же самой, а вместе с тем и основания для переноса с прошлой личности на будущую ответственности, любви и т.п. обеспечивается сохранением изо дня в день существенной части конституирующих данную личность психологических элементов (черт характера, убеждений, воспоминаний и т.д.), то есть психологической связности, или непрерывной цепочкой пересекающихся звеньев такой связности с правильным типом причины, то есть R-отношением. Наличие же или отсутствие ветвлений в этой цепочке просто не имеет значения для сохранения ее непрерывности, которой определяется продолжающееся существование личности той же самой, — R-отношение допускает ветвление. Соответственно, например, в случае деления, хотя и Левша, и Правша будут той же личностью, что и Оригинал (поскольку каждую из итоговых личностей будет связывать с ним R-отношение), они не будут с ним одной и той же личностью (поскольку две личности не могут быть тождественны одной: $2 \neq 1$). И хотя Левша, как и Правша, будет той же личностью, что и Оригинал, Левша не будет той же личностью, что и Правша, как и наоборот, потому что они не будут находиться друг с другом в R-отношении. Аналогичное верно и для $H1$ и $H2$ в случае копирования. И поскольку R-отношение не является транзитивным, СПТ избегает противоречий, возникающих при трактовке отношения 'быть той же личностью' через нумерическое тождество.

Насколько я могу судить, к прояснению различия отношений 'быть той же' и 'быть одной и той же' личностью стремится и сам Уокер: игнорируя их разведение в рамках СПТ, он пытается заново

ввести его через различие типов и токенов, которое позволяло бы ему утверждать, что $H2$, равно как и $H1$ после дубликации, есть та же самая личность, что и исходный Гитлер (как тип), и одновременно что $H1$ и $H2$ — не одна и та же личность, что они нумерически не тождественны (как токены). Однако различие типов и токенов не является вполне адекватным инструментом для такого рода различения: одна личность может не быть 'той же самой', что и другая, но при этом принадлежать с ней к одному типу (например, как $H2$ и $H1$ после дубликации). И Уокер, как отмечалось в четвертой части статьи, вынужден возвращаться к критерию психологической непрерывности (R-отношению). Однако одного только R-отношения достаточно, чтобы провести различие между отношением 'быть той же самой личностью' и отношением нумерического тождества, значимое в том числе для вопросов о моральной и юридической ответственности. И потому предлагаемый Уокером подход, помимо обременяющих его проблем, по всей видимости, оказывается совершенно излишним.

Тем не менее, как нередко считается, здесь СПТ сталкивается с существенными затруднениями иного вида. Даже если признать, что ее концептуальных средств достаточно для анализа случаев ветвления через прояснение различия между отношениями 'быть той же самой личностью' (R-отношением) и 'быть одной и той же личностью' (нумерическим тождеством), значимого для решения практических вопросов об ответственности, любви, выживании и т.п., этого анализа явно недостаточно для решения этих вопросов.

В частности, на эту проблему указывает Парфит. СПТ говорит о том, что в случаях ветвления сохранение R-отношения между итоговой и исходной личностью обеспечивает сохранение итоговой личности 'той же самой', что и исходная. Но значит ли это, что в случае деления исходная личность выживет, став Левшой, или Правшой, или обоими итоговыми личностями, или не выживет вовсе? По Парфиту, если принимать, что эти четыре опции описывают разные альтернативы, каждая из которых могла бы стать итогом операции, то случаи деления представляют проблему для СПТ, поскольку, как это отдельно и подробно показывается им для каждой опции, ни одна из них не является вполне правдоподобной [8, р. 253–261]. Предлагаемое Парфитом решение в данном случае состоит в том, чтобы дополнить СПТ редукционизмом относительно личностей, в соответствии с которым факты о существовании личности сводятся к более частным фактам об определенных физических и ментальных событиях, которые могут быть описаны безличным образом [8, р. 209–217]. Принятие такого редукционизма позволяет утверждать, что вопрос о выживании личности в случае деления является пустым: представленные четыре опции не описывают четырех разных альтернатив, но являются разными описаниями одного и того же набора безличных физических и ментальных фактов [8, р. 260].

Данная стратегия, однако, оказывается неприемима при решении ряда иных практических вопросов. Означает ли сохранение R-отношения, что, например, в случае появления тысяч копий Мэри Смит чувство любви должно переноситься с оригинала на каждую из копий, или лишь на некоторые, или на какую-то одну, или ни на одну из них? И будет ли уместным наказывать за преступления,

совершенные оригинальным Гитлером, *H1*, или *H2*, или обоих, или никого из них? Подобного рода практические вопросы сложно признать пустыми. В ответ Парфит высказывает лишь очень осторожные предположения о том, что «в таком случае была бы возможна взаимная любовь между мной и одним из этих токенов личности <или> даже взаимная любовь между мной и двумя или тремя такими личностями» [8, р. 297], и что «мы можем отстаивать утверждение, что заслугу за прошлые преступления переносит с собой психологическая непрерывность» [8, р. 325], добавляя при этом: «Возможно, существует аргумент, который окончательно разрешал бы этот спор. Однако я такой аргумент еще не находил» [8, р. 325].

Тот факт, что концептуальных средств СПТ оказывается недостаточным для вполне однозначного ответа на подобного рода практические вопросы, порой представляют в качестве довода против этой теории. Можно утверждать, что, оставаясь в рамках СПТ, выбор любой из возможных опций ответа на указанные вопросы обнаруживает существенную слабость оснований и приводит к коллизиям того или иного рода, а значит, предлагаемый СПТ анализ случаев ветвления является по меньшей мере неполным, если вообще адекватным.

В основе представлений о наличии такого рода затруднений, насколько можно судить, лежит неявное допущение, что теория тождества личности (психологическая или любая другая) в принципе должна давать однозначные ответы на такого рода практические вопросы. И это допущение, на мой взгляд, является вторым распространенным источником признания несостоятельности СПТ. Однако оно, очевидно, является ложным. Даже если сохранение личности той же самой является *необходимым*, оно, очевидно, не является *достаточным* условием для уместного возложения ответственности, сохранения любви, выживания и т.п., которые зависят также и от множества других факторов. И если теории тождества личности, включая СПТ, должны прояснять это необходимое условие, им нельзя вменить в упрек то, что они не проясняют других и, соответственно, не дают однозначного ответа на интересующие практические вопросы. Иными словами, теория тождества личности просто не должна исчерпывающим образом отвечать на вопросы о том, в каких случаях кого любить, кого винить и т.п., но лишь прояснять одно из оснований, обеспечивающих возможность сохранения любви, уместности возложения ответственности и решения иных практических вопросов, для которых важно сохранение во времени личности 'той же самой'. Но как раз с этой задачей СПТ прекрасно справляется, не нуждаясь в каких-либо модификациях. Что же касается других значимых для этих вопросов факторов, далеко не всегда (как, например, в случае с любовью) их удается представить во вполне обобщенном виде, что, однако, не означает, что к подобным обобщениям нельзя стремиться, тем более что в отдельных случаях (как, например, в случае с моральной ответственностью) это получается вполне успешно. Рассмотрение же случаев ветвления с учётом выделяемых в теориях моральной ответственности условий уместности её возложения демонстрирует, что эти случаи не представляют проблемы для стандартной психологической теории.

6. Условия уместности возложения моральной ответственности. В современных дискуссиях по вопросам персональной (в отличие от коллективной)

ретроспективной (в отличие от проспективной, связанной с этикой долга) моральной (в отличие от каузальной, юридической и т.д.) ответственности центральным является подход, предложенный сэром Питером Стросоном в статье «Свобода и обида» [27, 28]. Согласно Стросону, быть морально ответственным за некоторое действие — значит быть тем, в отношении кого уместно испытывать соответствующие 'реактивные установки' — эмоциональные реакции (такие как благодарность, обида, негодование и т.п.), которые естественным образом возникают у нас в ответ не столько на действия, сколько на выражающееся в действиях других людей качество их воли, «установки доброй воли, привязанности или уважения, с одной стороны, или презрения, безразличия или злонамеренности — с другой» [28, с. 207]. При этом Стросон выделяет два рода соображений (такие как благодарность, обида, негодование и т.п.), которые мы обычно склонны снижать или снимать моральную ответственность. Соображения первого типа указывают на то, что действие не выражало или некорректно выражало качество воли, которое имела личность, и поскольку качество воли является тем единственным, что, выражаясь в действии, каузально и содержательно связывает его с личностью в смысле, релевантном для моральной ответственности за него, это действие просто не может быть приписано личности в релевантном для моральной ответственности смысле. Соображения второго типа говорят о том, что личность не является моральным агентом — тем, кто в принципе способен нести моральную ответственность, быть полноценным участником моральных отношений и членом морального сообщества. Это позволяет выделить два необходимых условия уместности возложения моральной ответственности: (1) *условие агентности действия*, для соблюдения которого личность должна обладать релевантным качеством воли, выраженным в действии; (2) *условие моральной агентности*, для удовлетворения которого личность должна обладать определенными моральными способностями.

Оба эти условия в том или ином виде содержатся в большинстве современных теорий моральной ответственности¹⁴, хотя в различных теориях и для разных порой выделяемых видов моральной ответственности эти условия специфицируются по-разному [29, 33–38]. Например, под моральной ответственностью в смысле приписываемости (attributability) обычно понимается аретическая моральная оценка достоинств и недостатков личности. Характерными для этого вида моральной ответственности реактивными установками выступают восхищение и презрение. Предполагается, что их может быть уместным испытывать в ответ на проявленные в действиях благие или дурные черты характера, глубочайшие пристрастия и заботы, цели и ценности, которым привержена личность, даже если она не осознает их наличия и не контролирует их проявление. Здесь необходимые для моральной агентности способности в минимальном случае могут сводиться к простой способности выражать в своем поведении эти черты. Так, может быть уместным восхищаться стойкостью духа старца, страдающего глубокой деменцией, или испытывать презрение к тому, кто проявляет скрытые расистские убеждения. Под моральной ответственностью в смысле подотчетности (answerability) понимается возможность требовать от личности оправдания или отчета об основаниях ее действий, — объяснения, почему она рассудила, что ей стоило поступить так,

а не иначе. Характерными для этого вида моральной ответственности являются такие реакции, как гордость и стыд. Чтобы быть моральным агентом в смысле подотчетности, личность должна обладать широким набором рациональных способностей: способна понимать основания возможных действий, их силу и соотношение, а также систематически управлять своим поведением в соответствии с этим. Проявляемое качество воли здесь может пониматься как качество суждений, выносимых при оценке оснований действий. Одним из наиболее расхожих примеров такого рода ответственности служит реакция на неуместную шутку. Под моральной ответственностью в смысле вменимости (accountability) понимается такой вид ответственности, который предполагает уместность наград и наказаний. Для него характерны реактивные установки благодарности и гнева. Этот вид моральной ответственности наиболее требователен к моральным способностям: чтобы быть моральным агентом вменимости, помимо уже упомянутых рациональных способностей, личность должна обладать широким спектром компетенций, включая моральные, особого рода контролем над действиями, предполагающим свободу воли, эмпатией как способностью понимать чужую нормативную перспективу или сопереживать чувствам других людей и рассматривать это как основание собственных действий, и т.д. Под качеством воли здесь в общем случае понимается качество личного отношения, пренебрежение или доброжелательность во всем многообразии их оттенков. Именно этот вид моральной ответственности обычно имеется в виду при рассмотрении проблемных случаев в контексте вопроса о тождестве личности, и потому именно на нем я далее сосредоточу основное внимание.

Чтобы проиллюстрировать, как работают условия уместности возложения вменимости, рассмотрим классический сюжет с юношей, — назовем его Томом, — забравшимся ночью в соседский сад, чтобы нарвать яблок [39, с. 95]. Допустим, что Том был пойман хозяином сада в тот момент, когда рвал яблоки, и примем, — из уважения к оригиналу, — что адекватным наказанием за воровство яблок является порка. Легко убедиться, что, если Том не является моральным агентом или агентом того действия, которое ему приписывается (воровство), вменение ему наказания было бы неуместным. Действительно, мы можем представить, что Том не является моральным агентом, — что он не обладал должной степенью контроля в отношении своих действий, но действовал из принуждения (например, компания бандитов, угрожая искалечить, заставила его пойти на воровство). Аналогичным образом мы можем представить, что Том, хотя и является моральным агентом, он лишен того дурного качества воли, в силу которого ему могло бы быть приписано воровство. Том действительно забрался ночью в соседский сад, чтобы нарвать яблок, но он — лучший друг этого соседа, двери которому в его огород всегда открыты. Том вовсе не собирался их красть; напротив, он хотел помочь соседу, зная, что назавтра тот сам намеревался собрать яблоки несмотря на свою большую спину, и предвкушал, как обрадуется сосед, обнаружив поутру все яблоки в корзинке у себя на крыльце. В обоих случаях, согласно стросонианским теориям моральной ответственности, на Тома, пойманного в тот момент, когда он рвал яблоки, было бы неуместно возлагать ответственность в смысле вменимости,

то есть пороть его за воровство яблок¹⁵. С другой стороны, если допустить, что условие агентности действия и условие моральной агентности в требовании для вменимости смысле соблюдены, — что Том действовал по собственной воле, грубо попирая неприкосновенность имущества соседа, — тогда наказание, как представляется, было бы уместным¹⁶. Все это хорошо согласуется с обыденными интуициями относительно уместности наказаний.

Но рассмотрим теперь вопрос об уместности вменимости в диахроническом аспекте. Действительно, в отличие от только что рассмотренного примера, в большинстве случаев ретроспективной моральной ответственности момент совершения действия и момент возложения за него моральной ответственности не совпадают. Представим, что воровство яблок случилось 10 лет назад, но только теперь хозяин сада узнал, что это сделал Том. Согласно стросонианским теориям, вопрос об уместности вменения наказания должен решаться в зависимости от соблюдения релевантных условий. Но в какой из моментов они должны соблюдаться, чтобы наказание Тома за совершенное 10 лет назад воровство было уместно в настоящий момент времени? Нетрудно убедиться, что условие моральной агентности и условие агентности действия должны соблюдаться в момент совершения действия: как мы только что видели, если в момент совершения действия они нарушались, если Том не обладал должной степенью контроля над своими действиями или не имел релевантных установок злой воли, вменять ему наказание было неуместным. Но аналогичным образом можно показать, что те же самые условия должны соблюдаться и в момент возложения ответственности. Представим, что год назад Том перенес обширный инсульт, существенно нарушивший его когнитивные функции, и теперь уровень развития его моральных способностей, значимых для вменимости, сопоставим с таковым у трехлетнего ребенка. Хотя в этом случае Том все еще может быть моральным агентом в смысле приписываемости (сравни со случаем деменции выше), он, очевидно, не будет являться моральным агентом в смысле вменимости, пусть даже в момент совершения действия он таковым являлся, поэтому возложение на него наказания было бы неуместным. Схожие рассуждения применимы и к условию агентности действия.

Представим, что за прошедшие 10 лет Том существенно преобразился в нравственном плане: произошедшие с ним за этот период события превратили его из юного хулигана, нарочито попиравшего нормативные установки других людей, в самого добропорядочного человека и ревностного блюстителя общественного порядка. Презрение к частной собственности, выразившееся 10 лет назад в краже яблок, несовместимо с разделяемыми им ныне моральными установками; и поскольку сегодняшний Том лишен того качества воли, которое, каузально и содержательно связывая его с воровством, определяло бы его в статусе агента того действия, кража яблок просто не может быть приписана нынешнему Тому в смысле, релевантном для вменения наказания за неё. Напротив, если допустить, что условия моральной агентности и агентности действия соблюдаются Томом и сегодня, что он обладает всеми теми же моральными способностями, какими обладал 10 лет назад, остался всё таким же хулиганом и до сих пор промышляет мелкими кражами, извиняющих соображений, которые бы позволили снять

с Тома ответственность за былую кражу яблок, не обнаружится.

Наличие временно́го интервала между моментом совершения действия и моментом возложения за него моральной ответственности не меняет условий уместности ее возложения, но предполагает, что они должны соблюдаться в оба момента. Однако их соблюдение еще не гарантирует адекватного возложения моральной ответственности. Так, можно представить себе ситуации, в которых условия моральной агентности и агентности действия формально соблюдались бы как в момент совершения действия, так и в момент возложения ответственности, но их соблюдение было бы некорректным, — например, ситуации, когда эти условия соблюдаются разными личностями. Представим хулигана Тома, обладающего всеми релевантными моральными способностями и специфическими установками злой воли, выразившимися в краже яблок прошлым вечером, а также его друга Финна, обладающего точно такими же способностями, но во всех отношениях добропорядочного, который никогда даже и не думал о воровстве. Допустим, что прошлой ночью, пока Том и Финн спали, нейрохирурги пересадили Финну паттерны мозга Тома, которые отвечали за его установки злой воли, выразившиеся в воровстве, а Тому, наоборот, паттерны мозга Финна, отвечающие за уважение к чужой частной собственности. Проснувшись наутро, Том помнит, как вчера вечером воровал яблоки, но испытывает острое отвращение к своему поступку, не может понять, что двигало им в тот момент, и зарекается впредь не прикасаться к чужому; Финн же не помнит, чтобы совершал что-то дурное, однако теперь он считает корыстные мотивы перевешивающими моральные соображения, и идея присвоить чужое кажется ему вполне оправданной и даже в чем-то привлекательной. Будет ли уместным наутро возложить моральную ответственность в смысле вменимости за вчерашнее воровство яблок на Тома, на Финна, на обоих или ни на кого из них? Я полагаю, что, следуя если не букве, то духу стросонианских теорий, мы должны предпочесть последнюю опцию. В пользу наказания Тома могут говорить ретрибутивистские интуиции; однако следует признать, что, поскольку сегодня Том начисто лишен того качества воли, которое связывало бы его со вчерашним воровством яблок, это действие не может быть приписано ему сегодня в релевантном для вменимости смысле: сегодняшний Том не является агентом этого действия в силу тех же самых оснований, что и Том по прошествии 10 лет из примера выше. В пользу наказания Финна могут говорить консеквенционалистские интуиции: поскольку укоренившиеся теперь в Финне установки злой воли будут склонять его к воровству, такое наказание может рассматриваться в качестве превентивной меры, направленной на упреждение преступлений. Однако такое наказание было бы незаслуженным: Финн просто не является той личностью, которая вчера украла яблоки, и наказывать его за это действие было бы столь же неуместным, что и наказывать за него любую другую личность, имеющую по совпадению такие же установки злой воли, — мы не считаем уместным наказывать всех воров в мире, имеющих одинаковые установки злой воли, за воровство, совершенное кем-то одним из них (ср. со случаем с соседями и солью выше). Наказывать же обоих представляется вдвойне неуместным. Несмотря на то, что,

как можно настаивать, формально стросонианские условия уместности вменимости соблюдаются как в момент совершения действия, так и в момент возложения ответственности, поскольку в оба момента существует личность, обладающая релевантными моральными способностями и качеством воли, выразившимися в воровстве яблок, соблюдение этих условий в данном случае нельзя признать корректным, поскольку личность, удовлетворяющая им сегодня, — это не та же самая личность, что удовлетворяла им вчера. В данной ситуации, я полагаю, следует признать, что вмешательство нейрохирургов, пересадивших качество воли от одной личности другой, разорвало требуемую для моральной ответственности связь этого качества воли с действием, тем самым лишив Тома статуса агента по отношению к воровству яблок и не наделив им Финна. Это приводит к выводу о том, что для корректного соблюдения необходимых условий уместности возложения моральной ответственности (условий агентности действия и моральной агентности) личность, на которую в настоящий момент возлагается моральная ответственность за некое действие, должна быть той же самой, что и личность, совершившая это действие в прошлом.

Рассмотренный сюжет с воровством яблок изначально использовался Томасом Ридом [39, с. 95–97] в целях критики психологической теории тождества личности Джона Локка. Согласно Локку, тождество личности во времени определяется тождеством ее сознания: «насколько разумное существо может повторять идею прошлого действия с тем же самым сознанием о нем, какое у него было сначала, и с тем же самым своим сознанием о всяком теперешнем действии, настолько оно и есть одна и та же личность» [40, с. 388–389], и «вследствие этого она беспокоится о прошлых действиях, становится ответственной за них, признавая за свои и приписывая их себе совершенно на том же самом основании и по той же причине, что и настоящие действия» [40, с. 400]. По Риду, требуемая Локковским критерием способность личности «повторять идею прошлого действия с тем же самым сознанием о нем», какое у нее было в момент его совершения, означает, что личность должна помнить о прошлых действиях, чтобы оставаться той же самой личностью, что их совершила. Чтобы убедиться, что этот критерий несостоятелен, Рид предлагает представить бравого офицера, которого в юности пороли за кражу яблок из сада, который захватил вражеское знамя во время своей первой кампании и впоследствии стал генералом. Допустим, что во времена своей первой кампании он помнил, как в юности его пороли, а став генералом, он помнит, как захватил знамя, но уже не помнит, как его пороли в юности. По Локку, тот, кого пороли в юности, — та же личность, что и захватившая знамя, а последняя, в свою очередь, — та же личность, что стала генералом. По транзитивности отношения тождества мы должны заключить, что генерал — та же личность, что и юноша, укравший яблоки; однако, следуя критерию Локка, мы должны прийти к выводу, что они не тождественны, поскольку генерал не помнит, как его пороли в юности. Это противоречие, по мнению Рида [39, с. 95–97], демонстрирует несостоятельность теории Локка. Легко, однако, убедиться, что для СПТ данный случай не представляет проблем. Вне зависимости от того, насколько оправданна Ридовская трактовка и действительно ли 'сознание' у Локка может быть све-

дено к одной только 'памяти'¹⁷, Локк, по всей видимости, действительно предполагал, что сохранение личности той же самой обеспечивается непосредственным сохранением определенных психологических элементов — то есть тем, что в современных теориях называется психологической связностью. Однако, как отмечалось в первой части статьи, в современной СПТ центральная роль отводится не психологической связности, но R-отношению, позволяющему говорить о сохранении личности той же самой, даже если с течением времени ее психологические черты существенно изменились. И при этом, как подчеркивалось в пятой части, отличие R-отношения от нумерического тождества позволяет СПТ избегать проблем, связанных с трактовкой отношения 'быть той же самой личностью' как транзитивного отношения.

Тем не менее интуиции Локка о значимости психологической связности для атрибуции личности прошлых действий в смысле, релевантном для уместности возложения ответственности за них, находят поддержку в стросонианских теориях моральной ответственности. Согласно им, как мы видели выше, чтобы возложение моральной ответственности на личность на некое действие было уместным, на момент возложения моральной ответственности она должна обладать теми же моральными способностями и качеством воли, которые конституировали ее статус морального агента и агента действия в момент его совершения. В терминах СПТ это означает, что личность, на которую теперь возлагается моральная ответственность за некое действие, и личность, совершившая данное действие в прошлом, должны быть психологически связаны по моральным способностям и качеству воли. Мы также видели, что, чтобы эта связность обеспечивала уместность возложения моральной ответственности, т.е. чтобы условия моральной агентности и агентности действия соблюдались корректным образом, личность, на которую возлагается моральная ответственность за некое действие, должна быть той же самой, что и личность, его совершившая. В терминах СПТ это означает, что они должны стоять в R-отношении. Два этих обстоятельства можно выразить в едином тезисе: чтобы возложение моральной ответственности на личность за некое действие было уместным, личность, на которую в настоящий момент возлагается моральная ответственность, должна находиться с личностью, совершившей данное действие в прошлом, в таком специфическом R-отношении, которое конституировалось бы психологической связностью по релевантным моральным способностям и качеству воли (помимо иных составляющих его отношений психологической связности и непрерывности). Принятие в расчет этого тезиса снимает кажущуюся проблематичность случаев ветвления для СПТ.

7. Решение случаев ветвления в рамках СПТ.

Обратимся вновь к предложенному Парфитом случаю деления с пересадкой полушарий мозга исходной личности в два разных тела. В нем ни одна из итоговых личностей не является тождественной исходной, однако, как отмечалось в пятой части статьи, это не является проблемой для СПТ: поскольку каждая из итоговых личностей связана с исходной R-отношением (что принципиально отличает данный случай от рассмотренного выше примера пересадки одного только качества воли от Тома к Финну), каждая из них, согласно СПТ, будет 'той же самой' личностью, что и исходная. Одно только это, тем

не менее, еще не говорит об уместности возложения моральной ответственности на какую-либо из них за действия исходной личности. Парфит полагает, что не существует хороших оснований считать ответственным за действия Оригинала Правшу, Левшу, их обоих или никого из них. Однако с учетом проведенного рассмотрения такие основания легко обнаружить. Согласно стросонианским теориям, уместность возложения моральной ответственности будет обуславливаться тем, будет ли какая-либо из итоговых личностей моральным агентом и агентом соответствующих действий; иными словами, будет ли какая-либо из итоговых личностей связана с исходной личностью таким R-отношением, которое будет конституироваться психологической связностью по релевантным моральным способностям и качеству воли. Вопрос об этом можно признать эмпирическим, тем более что оригинальный пример Парфита не содержит каких-либо явных допущений на этот счет. Тем не менее в нем неявным образом, кажется, предполагается, что обе итоговые личности будут полноценными моральными агентами, — в противном случае возложение моральной ответственности ни на одну из них было бы заведомо неуместным. Если принимать данное допущение, уместность возложения моральной ответственности в данном примере будет зависеть только от психологической связности итоговых личностей с исходной по релевантному для определенного действия качеству воли. Если обе итоговые личности будут стоять в этом отношении с исходной, возложение моральной ответственности за соответствующее действие Оригинала будет уместным как на Правшу, так и на Левшу; если лишь одна из них, то только на нее; а если не одна, то ни на одну из них. Мы видим, таким образом, что концептуальных средств СПТ оказывается достаточным для анализа случаев деления и для того, чтобы, принимая во внимание необходимые условия уместности возложения моральной ответственности, выделяемые в стросонианских теориях, указать на основания, являющиеся решающими для вопроса об уместности возложения моральной ответственности в случаях деления: для этой цели СПТ не нуждается в дополнении редукционизмом относительно личностей, предлагаемом Парфитом.

Схожие рассуждения применимы и в случае копирования, являющемуся центральным для работы Уокера. По условиям в нем каждая из итоговых личностей — *H1* и *H2* — находится в таком R-отношении с Оригиналом, которое конституируется, помимо прочего, психологической связностью по всем моральным способностям и качеством воли (коль скоро каждая из итоговых личностей после дубликации неотличима от исходной личности в психологическом плане). Это означает, что каждая из итоговых личностей будет полноценным моральным агентом и агентом всех действий Оригинала (при условии, что последний сам является таковым), и следовательно, на каждую из них будет уместным возлагать моральную ответственность за его действия. Очевидный ответ получает и вопрос о том, почему за нарушение ПДД будет уместным возлагать моральную ответственность только на совершившего его после дубликации *H1*, но не на *H2*, несмотря на его психологическое сходство с *H1*, обладание всеми идентичными моральными способностями и даже, как можно допустить, таким же качеством воли, которое выразилось у *H1* в нарушении ПДД (т.е., окажись *H2* в тот момент

на месте *H1*, он бы тоже нарушил ПДД¹⁸): потому, что *H1* связан R-отношением с личностью, совершившей это нарушение, а *H2* — нет. Концептуальных средств СПТ оказывается достаточным для анализа случаев копирования личности: с учетом выделяемых в стросонианских теориях условий, СПТ позволяет дать ответ на вопрос об уместности возложения моральной ответственности в этих случаях, — притом такой ответ, который подтверждает справедливость защищаемых Уокером интуиций о том, что копию Гитлера было бы уместным наказать за преступления Гитлера, совершенные до дубликации, но не за нарушение ПДД, совершенное им после дубликации; и для этой цели СПТ не нуждается в предлагаемом Уокером привлечении теории типов и токенов, которое, как было показано в четвертой части статьи, обременено собственными трудностями.

Аналогичные рассуждения применимы и в отношении иных случаев ветвления, традиционно считающихся проблемными для СПТ. Во всех таких случаях каждая из итоговых личностей связана с исходной R-отношением, и вопрос об уместности возложения моральной ответственности оказывается зависим от того, будет ли какая-либо из итоговых личностей психологически связана с исходной по релевантным моральным способностям и качеству воли¹⁹. Если между исходной и некоторой итоговой личностью такая связность будет иметь место, эта итоговая личность будет моральным агентом и агентом соответствующих действий исходной личности, и возложение на нее ответственности за данные действия будет уместным. Если же психологическая связность по этим моральным способностям и качеству воли между исходной и некоторой итоговой личностью будет нарушаться, эта итоговая личность не будет либо моральным агентом, либо агентом соответствующих действий исходной личности, и возложение на нее ответственности за данные действия будет неуместным. Это общее решение позволяет утверждать, что концептуальных средств СПТ достаточно для адекватного анализа случаев ветвления, а учет в рамках ее концептуальной схемы выделяемых в стросонианских теориях необходимых условий уместности возложения моральной ответственности — релевантных постольку, поскольку в случаях ветвления нас вообще интересует именно вопрос о моральной ответственности, — позволяет (в зависимости от деталей примера) либо представить конкретное решение этого вопроса (как в рассмотренном случае копирования), либо, по крайней мере, указать на достаточные основания для его решения (как в случае деления), не прибегая при этом к каким-либо сторонним концептуальным дополнениям и модификациям СПТ. Разумеется, это не решает всех проблем СПТ и не свидетельствует о её достоинствах при решении иных практических вопросов (вопросов выживания, сохранения любви и т.д.), и тем не менее говорит о ее потенциале, позволяющем ей справиться, по крайней мере, с некоторыми трудностями, традиционно считающимися для неё непреодолимыми.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках проекта «Феномен моральной ответственности», поддержанного Российским научным фондом (проект № 21-78-10044, <https://rscf.ru/project/21-78-10044/>).

Автор выражает глубокую признательность участникам Летней школы Московского центра исследования сознания «Метафизика загрузки» (27 июля — 2 августа 2023, Палермо, Италия), в особенности Эрику Олсону, Пьетро Перконти, Дмитрию Волкову, Тарасу Тарасенко, Артёму Беседину, Антону Кузнецову, Евгению Логинову, Артёму Яшину и Василисе Бобковой за плодотворное обсуждение аргументов в пользу и против возможности для личности быть типом. Автор благодарит участников научного семинара Московского центра исследования сознания и кафедры истории зарубежной философии философского факультета МГУ «Новые идеи в философии», в особенности Вадима Валерьевича Васильева, за регулярное обсуждение проблем и перспектив психологической теории тождества личности в свете новейших работ в этой области. Автор признателен участникам секции «Моральная ответственность: коллективная, распределённая, индивидуальная», организованной в рамках XIV Международной конференции Школы философии и культурологии НИУ ВШЭ «Мир/миры будущего» (7 октября 2023, Москва), в особенности Артёму Юнусову, Константину Фролову и Роману Кочневу за плодотворную критику при обсуждении дrafта настоящей статьи. Особую благодарность автор выражает Андрею Нехаеву за его ценные замечания, а также неустанную моральную поддержку и вдохновение, без которых данная статья не могла бы быть написана.

Примечания

¹ Обзор современных дискуссий по проблеме тождества личности см. в [5; 6, с. 225–337; 7].

² В изложении СПТ я буду опираться, главным образом, на работы [8–11].

³ Там, где есть психологическая связность, там есть и R-отношение, но не наоборот.

⁴ Психологическая непрерывность с *неправильным* типом причины, который, в силу тех или иных соображений, не может считаться обеспечивающим сохранение личности той же самой, как легко понять, не представляет особого интереса.

⁵ Примеры подобного рода можно найти в работах Сидни Шумейкера [10, р. 280; 13], Дэвида Уиггинса [14, р. 50; 15; 16], Бернарда Уильямса [17, р. 77–78] и многих других теоретиков.

⁶ На это указывает, в частности, тот факт, что, если одна из них по каким-либо причинам не выживет, вторая может продолжить свое существование.

⁷ К схожему выводу приходит и сам Дерек Парфит [8, р. 253–266; см. также: 18, с. 176].

⁸ Оговариваемое мной в данном месте различие причин сохранения R-отношения с исходной личностью у *H1* и *H2* может быть значимым для тех или иных трактовок психологического подхода. Однако в рамках СПТ, допускающей возможность сохранения R-отношения в силу любых причин, оно не является значимым, и потому далее в тексте будет мной игнорироваться.

⁹ Стоит подчеркнуть, что это положение не является произвольным допущением Уокера. В частности, существование различных токенов личностей (таких как *H1* и *H2*), имеющих идентичные психологические состояния, подобно существованию различных экземпляров книг, имеющих идентичное содержание, в принципе возможно именно потому, что психологические состояния индивидуализируют типы, а не токены личностей.

¹⁰ Очевидно, то же самое будет справедливо и для любого другого количества типов, принадлежность к которым токенов, различающихся одной характеристикой, мы могли бы

рассмотреть. Действительно, пусть токены $T1$ и $T2$ совпадают по l характеристикам. В таком случае $T1$ и $T2$ будут принадлежать к $2^n - 1$ общим для них типам. Допустим, что $T2$ также обладает одной дополнительной характеристикой, которой $T1$ не обладает. В таком случае $T2$ будет в общей сложности принадлежать к $2^{n+1} - 1$ типам. И поскольку $2^{n+1} - 1$ более чем вдвое превосходит $2^n - 1$, так как $2^{n+1} - 1 = 2(2^n - 1) + 1$, при любом значении n общими для $T1$ и $T2$ будут меньше половины типов, которым принадлежит, по крайней мере, один из этих токенов. Аналогично, если $T1$ и $T2$ будут различать две характеристики, общими для них будут менее четверти типов; если три — менее $1/8$, и т.д.

¹¹ Подробнее о проблемах вариативности токенов и множественной инстанции ими типов см. в [23, р. 148; 24, р. 74; 25, р. 398–399]. Близкое направление критики развивается также в [4].

¹² Данная линия критики подробно развивается Андреем Нехаевым [3, с. 75–77].

¹³ Соображениями на этот счёт я обязан Пьетро Перконтти, из личной беседы с которым они почерпнуты.

¹⁴ Подробный анализ условий уместности возложения моральной ответственности в современных стросонианских теориях см. в [29–32].

¹⁵ Хотя при этом на Тома может быть уместным возлагать ответственность в смысле приписываемости или подотчетности.

¹⁶ Следует отметить, что в некоторых теориях моральной ответственности, помимо условий агентности действия и моральной агентности, выделяются также дополнительные условия вменности (например, эпистемическое условие, касающееся должной степени знания агентом фактической стороны дела). Здесь и далее в тексте я считаю все подобные дополнительные условия по умолчанию соблюденными.

¹⁷ Критику подобной трактовки см., напр., в [41].

¹⁸ Андрей Нехаев в своей работе, посвященной критическому анализу позиции Марка Уокера, развивает позицию психологического секвенциализма, согласно которой, в его изложении, уместность возложения ответственности на $H2$ будет оправдываться тем, что «(CFC) Y должен быть наказан в момент времени t' за действие ϕ , совершенное X в момент времени t , когда нет никаких разумных оснований сомневаться в том, что, если бы Y был в момент времени t на месте X , он также совершил бы действие ϕ » [3, с. 78]. Если этот анализ верен, позиция психологического секвенциализма ложна. Обыденная практика возложения моральной и юридической ответственности наглядно свидетельствует о том, что следование CFC — в представленной общей формулировке — является ошибочным. Мы фактически не считаем, что ту же самую ответственность, которую мы возлагаем на личность, совершившую некое действие, было бы уместно возлагать и на любую другую личность, относительно которой мы можем не только не иметь разумных оснований сомневаться, но даже и непосредственно знать, что в той же ситуации она поступила бы точно так же: если вы обратились к соседу слева за солью и получили грубый отказ, было бы неуместно обижаться на других соседей, к которым вы не обращались, даже если точно известно, что они точно так же отказали бы вам в грубой форме; как и не будет уместным наказывать за некую кражу, совершенную одним вором, других воров, которые, как может быть точно известно, также совершили бы ее, оказавшись они на месте первого вора (см. обсуждение этих примеров в тексте выше). Нехаев стремится защитить психологический секвенциализм от этого возражения, отмечая в примечании, что CFC справедливо только для случаев полных и точных дубликатов, но не для обычных личностей [3, с. 86–87]. Однако такая оговорка, с одной стороны, как представляется, подрывает значимость CFC: если для решения вопроса об уместности наказания значение имеет не то, совершила бы одна личность действие, совершенное другой, оказавшись она на ее месте, а лишь то, является ли она полным и точным дубликатом этой другой личности, CFC, как мож-

но утверждать, просто не играет роли при решении вопроса об уместности возложения наказания (или шире — ответственности). С другой стороны, принятие указанной оговорки не избавляет от контринтуитивных выводов: даже признавая, что $H2$ является полным и точным дубликатом $H1$ и что, оказавшись $H2$ на месте $H1$ в момент нарушения последним ПДД, $H2$ точно так же нарушил бы ПДД, возлагать на $H2$ ответственность за это нарушение было бы неуместным — потому что $H2$ не является той личностью, которая его совершила. Для решения вопроса об уместности возложения ответственности значение имеет не CFC (не то, как поступила бы одна личность на месте другой), а то, является ли личность, на которую возлагается ответственность, той же самой, что и личность, совершившая соответствующее действие в смысле, релевантном для уместности возложения ответственности за него, т.е. находятся ли они в таком R-отношении, которое конституировалось бы психологической связностью по релевантным моральным способностям и качеству воли.

¹⁹ При соблюдении всех прочих условий уместности возложения моральной ответственности; см. об этом выше примечание 16.

Библиографический список

- Walker M. Branching Is Not a Bug; It's a Feature: Personal Identity and Legal (and Moral) Responsibility // *Philosophy & Technology*, 2020. № 33. P. 173–190. DOI: 10.1007/s13347-019-00347-w.
- Уокер М. Ветвление — это не баг, а фича: тождество личности и юридическая (моральная) ответственность / пер. с англ. В. А. Пилюпенко // *Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность*. 2023. Т. 8, № 3. С. 102–115. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-3-102-115.
- Нехаев А. В. Наказание (не)виновных? // *Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность*. 2023. Т. 8, № 3. С. 73–94. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-3-73-94.
- Кочнев Р. Л. Наказывать нельзя клонировать // *Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность*. 2023. Т. 8, № 3. С. 95–101. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-3-95-101.
- Логинов Е. В., Мерцалов А. В., Салин А. С., Чугайнова Ю. И., Юнусов А. Т. Прологомены к проблеме тождества личности // *Финиковый Компот*. 2018. № 13. С. 6–40.
- Волков Д. Б. Свобода воли. Иллюзия или возможность. Москва: Карьера Пресс, 2018. 368 с.
- Олсон Э. Т. Тождество личности / пер. с англ. В. В. Васильева // *Стэнфордская философская энциклопедия: переводы избранных статей / под ред. Д. Б. Волкова, В. В. Васильева, М. О. Кедровой*. URL: <http://philosophy.ru/identity-personal/> (дата обращения: 10.09.2023).
- Parfit D. *Reasons and Persons*. Oxford: Clarendon Press, 1987. 560 p.
- Lewis D. *Survival and Identity* // *Philosophical Papers*. New York: Oxford University Press, 1983. Vol. 1. P. 55–77.
- Shoemaker S. *Persons and Their Pasts* // *American Philosophical Quarterly*. 1970. Vol. 7, № 4. P. 269–285.
- Unger P. *Identity, Consciousness and Value*. Oxford: Oxford University Press, 1990. 344 p.
- Glannon W. *Moral Responsibility and Personal Identity* // *American Philosophical Quarterly*. 1998. Vol. 35, № 3. P. 231–249.
- Shoemaker S. *Self-Knowledge and Self-Identity*. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1963. 264 p.
- Wiggins D. *Identity and Spatio-Temporal Continuity*. Oxford: Basil Blackwell, 1967. 84 p.
- Wiggins D. *Essentialism, Continuity, and Identity* // *Synthese*. 1974. Vol. 28, № 3/4. P. 321–359. DOI: 10.1007/BF00877580.
- Wiggins D. *Sameness and Substance*. Oxford: Basil Blackwell, 1980. 238 p.

17. Williams B. Problems of the Self. Philosophical Papers 1956–1972. Cambridge: Cambridge University Press, 1973. 267 p.
18. Логинов Е. В. Является ли тождество личности условием моральной ответственности? // *Философский журнал*. 2020. Т. 13, № 2. С. 173–184. DOI: 10.21146/2072-0726-2020-13-2-173-184.
19. Brennan A. Personal Identity and Personal Survival // *Analysis*. 1982. Vol. 42, № 1. P. 44–50. DOI: 10.1093/analys/42.1.44.
20. Brennan A. Survival // *Synthese*. 1984. Vol. 59, № 3. P. 339–361. DOI: 10.1007/BF00869339.
21. Pierce C. S. Prolegomena to an Apology for Pragmatism // *Collected Papers of Charles Sanders Pierce* / Eds.: C. Hartshorne, P. Weiss. Vol. 4: The Simplest Mathematics. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 1960. P. 411–463.
22. Корман Д. Обычные объекты / пер. с англ. А. В. Мерцалова // *Стэнфордская философская энциклопедия: переводы избранных статей* / под ред. Д. Б. Волкова, В. В. Васильева, М. О. Кедровой. URL: http://philosophy.ru/ordinary_objects/ (дата обращения: 10.09.2023).
23. Olson E. T. What Are We? A Study in Personal Ontology. New York: Oxford University Press, 2007. 250 p.
24. Olson E. T. The Metaphysics of Artificial Intelligence // *Consciousness and the Ontology of Properties* / Ed. M. P. Gula. New York: Routledge, 2019. P. 67–84.
25. Olson E. T. The Metaphysics of Transhumanism // *Human: A History* / Ed. K. Hübner. New York: Oxford University Press, 2022. P. 381–403.
26. Rawls J. Two Concepts of Rules // *The Philosophical Review*. 1955. Vol. 64, № 1. P. 3–32. DOI: 10.2307/2182230.
27. Strawson P. F. Freedom and Resentment // *Proceedings of the British Academy*. 1962. № 48. P. 187–211.
28. Стросон П. Свобода и обида / пер. с англ. Е. В. Логинова // *Финиковый Компот*. 2020. № 15. С. 204–221. DOI: 10.24412/2587-9308-2020-15-204-221.
29. Shoemaker D. Responsibility from the Margins. New York: Oxford University Press, 2015. 262 p.
30. Логинов Е. В., Гаврилов М. В., Мерцалов А. В., Юнусов А. Т. Прологомены к моральной ответственности // *Финиковый Компот*. 2020. № 15. С. 3–100. DOI: 10.24412/2587-9308-2020-15-3-100.
31. Ананьев Д. А. Понятие и концепции моральной ответственности // *Финиковый Компот*. 2020. № 15. С. 101–107. DOI: 10.24412/2587-9308-2020-15-101-107.
32. Мерцалов А. В. Агентность, тождество личности и моральная ответственность // *Вестник Московского университета. Серия 7: Философия*. 2022. № 5. С. 72–90.
33. Frankfurt H. G. Freedom of the Will and the Concept of a Person // *The Journal of Philosophy*. 1971. Vol. 68, № 1. P. 5–20. DOI: 10.2307/2024717.
34. Wolf S. Freedom within Reason. New York: Oxford University Press, 1993. 174 p.
35. Watson G. Two Faces of Responsibility // *Philosophical Topics*. 1996. Vol. 24, № 2. P. 227–248. DOI: 10.5840/philtopics199624222.
36. Smith A. M. Attributability, Answerability, and Accountability: In Defense of a Unified Account // *Ethics*. 2012. Vol. 122, № 3. P. 575–589. DOI: 10.1086/664752.
37. Ekstrom L. W. A Coherence Theory of Autonomy // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1993. Vol. 53, № 3. P. 599–616. DOI: 10.2307/2108082.
38. Fischer J. M., Ravizza M. Responsibility and Control: A Theory of Moral Responsibility. New York: Cambridge University Press, 1998. 288 p.
39. Рид Т. О тождестве личности. Фрагмент из сочинений Томаса Рида / пер. с англ. Д. Еремина // *Финиковый Компот*. 2018. № 13. С. 90–98.
40. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении / пер. с англ. А. Н. Савина // *Сочинения*. В 3 т. Москва: Мысль, 1985. Т. 1. С. 78–620.
41. Weinberg S. Consciousness in Locke. Oxford: Oxford University Press, 2016. 240 p.

МЕРЦАЛОВ Андрей Викторович, редактор Московского центра исследования сознания при философском факультете МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва; директор Центра исследований сознания философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва.
 SPIN-код; 8294-9926
 AuthorID (РИНЦ): 1036246
 AuthorID (SCOPUS): 57196065953
 Адрес для переписки: a.mertsalov@hardproblem.ru

Для цитирования

Мерцалов А. В. В защиту стандартной психологической теории: может ли личность быть типом? // *Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность*. 2023. Т. 8, № 4. С. 99–115. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-99-115.

Статья поступила в редакцию 10.10.2023 г.
 © А. В. Мерцалов

IN DEFENCE OF THE STANDARD PSYCHOLOGICAL THEORY: CAN A PERSON BE A TYPE?

The paper presents a defense of the standard psychological theory of personal identity against Mark Walker's criticism of it. Walker claims that the conceptual tools of standard psychological theory of personal identity are insufficient to solve the problematic cases of branching in the context of moral and legal responsibility questions, and argues in favor of an approach to these problems that involves the type/token distinction. In the current paper I argue against Walker that the approach he suggests is untenable, and that the conceptual tools of standard psychological theory are sufficient to provide an adequate analysis of the cases mentioned.

Keywords: personal identity, moral responsibility, Strawsonian theories, psychological theory of personal identity, type and token theory, branching.

Acknowledgements

This study is supported by Russian Science Foundation, project No. 21-78-10044 «The Phenomenon of Moral Responsibility», <https://rscf.ru/project/21-78-10044/>.

The author expresses deep gratitude to all the organizers and participants of the Moscow Center for Consciousness Studies Summer School «Metaphysics of Uploading» (July 27–August 2, 2023, Palermo, Italy), especially to Eric Olson, Pietro Perconti, Dmitry Volkov, Taras Tarasenko, Artem Besedin, Anton Kuznetsov, Eugeny Loginov, Artem Yashin and Vasilisa Bobkova for a fruitful discussion of the arguments in favor and against the possibility for a person to be a type. The author thanks all the participants of the scientific seminar «New Ideas in Philosophy», organized by the Moscow Center for Consciousness Studies and the Department of the History of Foreign Philosophy, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, especially to Vadim V. Vasilyev, for regular discussions of the problems and prospects of the psychological theory of personal identity in the latest philosophical works in this field. The author expresses words of gratitude to all the organizers and participants of the section «Moral Responsibility: Collective, Distributed, Individual», organized within the XIV Annual Conference of the School of Philosophy and Cultural Studies «The World/Worlds of the Future» (October 7, 2023, Moscow), especially to Artem Iunusov, Konstantin Frolov and Roman Kochnev for their criticism of the first draft of this paper. A special gratitude the author expresses to Andrei Nekhaev: this article could not have been written without his tireless moral support and encouragement.

References

1. Walker M. Branching Is Not a Bug; It's a Feature: Personal Identity and Legal (and Moral) Responsibility // *Philosophy & Technology*, 2020. No. 33. P. 173–190. DOI: 10.1007/s13347-019-00347-w. (In Engl.).

2. Walker M. Vetvleniye — eto ne bag, a ficha: tozhdestvo lichnosti i yuridicheskaya (moral'naya) otvetstvennost' [Branching Is Not a Bug; It's a Feature: Personal Identity and Legal (and Moral) Responsibility] / trans. from Engl. V. A. Pilipenko // *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2023. Vol. 8, no. 3. P. 102–115. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-3-102-115. (In Russ.).

3. Nekhaev A. V. Nakazaniye (ne)vinovnykh? [Punishing (Not)Innocent Persons?] // *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2023. Vol. 8, no. 3. P. 73–94. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-3-73-94. (In Russ.).

4. Kochnev R. L. Nakazyvat' nel'zya klonirovat' [Punish No Clone] // *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2023. Vol. 8, no. 3. P. 95–101. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-3-95-101. (In Russ.).

5. Loginov E. V., Gavrilov M. V., Mertsalov A. V., Yunusov A. T. Prolegomeny k moral'noy otvetstvennosti [Prolegomena to Moral Responsibility] // *Finikovyy kompot. Date Palm Compote*. 2020. No. 15. P. 3–100. DOI: 10.24412/2587-9308-2020-15-3-100. (In Russ.).

6. Volkov D. B. Svoboda voli. Illyuziya ili vozmozhnost' [Free Will. Illusion or Opportunity]. Moscow, 2018. 368 p. (In Russ.).

7. Olson E. T. Tozhdestvo lichnosti [Personal Identity] / trans. from Engl. V. V. Vasilyev // *Stanford Encyclopedia of Philosophy in Russian: Selected Entries* / Eds.: D. B. Volkov, V. V. Vasilyev, M. O. Kedrova. URL: <http://philosophy.ru/identity-personal/> (accessed: 10.09.2023). (In Russ.).

8. Parfit D. *Reasons and Persons*. Oxford: Clarendon Press, 1987. 560 p. (In Engl.).

9. Lewis D. *Survival and Identity* // *Philosophical Papers*. New York: Oxford University Press, 1983. Vol. 1. P. 55–77. (In Engl.).

10. Shoemaker S. *Persons and Their Pasts* // *American Philosophical Quarterly*. 1970. Vol. 7, no. 4. P. 269–285. (In Engl.).

11. Unger P. *Identity, Consciousness and Value*. Oxford: Oxford University Press, 1990. 344 p. (In Engl.).

12. Glannon W. Moral Responsibility and Personal Identity // *American Philosophical Quarterly*. 1998. Vol. 35, no. 3. P. 231–249. (In Engl.).
13. Shoemaker S. *Self-Knowledge and Self-Identity*. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1963. 264 p. (In Engl.).
14. Wiggins D. *Identity and Spatio-Temporal Continuity*. Oxford: Basil Blackwell, 1967. 84 p. (In Engl.).
15. Wiggins D. Essentialism, Continuity, and Identity // *Synthese*. 1974. Vol. 28, no. 3/4. P. 321–359. DOI: 10.1007/BF00877580. (In Engl.).
16. Wiggins D. *Sameness and Substance*. Oxford: Basil Blackwell, 1980. 238 p. (In Engl.).
17. Williams B. *Problems of the Self*. *Philosophical Papers 1956–1972*. Cambridge: Cambridge University Press, 1973. 267 p. (In Engl.).
18. Loginov E. V. Yavlyayetsya li tozhdestvo lichnosti usloviyem moral'noy otvetstvennosti? [Is Personal Identity a Condition of Moral Responsibility?] // *Filosofskiy zhurnal. Philosophy Journal*. 2020. Vol. 13, no. 2. P. 173–184. DOI: 10.21146/2072-0726-2020-13-2-173-184. (In Russ.).
19. Brennan A. Personal Identity and Personal Survival // *Analysis*. 1982. Vol. 42, no. 1. P. 44–50. DOI: 10.1093/analys/42.1.44. (In Engl.).
20. Brennan A. Survival // *Synthese*. 1984. Vol. 59, no. 3. P. 339–361. DOI: 10.1007/BF00869339. (In Engl.).
21. Pierce C. S. *Prolegomena to an Apology for Pragmatism // Collected Papers of Charles Sanders Pierce / Eds.: C. Hartshorne, P. Weiss*. Vol. 4: *The Simplest Mathematics*. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 1960. P. 411–463. (In Engl.).
22. Korman D. Obychnyye ob'yekty [Ordinary Objects] / trans. from Engl. A. V. Mertsalov // *Stanford Encyclopedia of Philosophy in Russian: Selected Entries / Eds.: D. B. Volkov, V. V. Vasilyev, M. O. Kedrova*. URL: http://philosophy.ru/ordinary_objects/ (accessed: 10.09.2023). (In Russ.).
23. Olson E. T. *What Are We? A Study in Personal Ontology*. New York: Oxford University Press, 2007. 250 p. (In Engl.).
24. Olson E. T. *The Metaphysics of Artificial Intelligence // Consciousness and the Ontology of Properties / Ed. M. P. Gula*. New York: Routledge, 2019. P. 67–84. (In Engl.).
25. Olson E. T. *The Metaphysics of Transhumanism // Human: A History / Ed. K. Hübner*. New York: Oxford University Press, 2022. P. 381–403. (In Engl.).
26. Rawls J. Two Concepts of Rules // *The Philosophical Review*. 1955. Vol. 64, no. 1. P. 3–32. DOI: 10.2307/2182230. (In Engl.).
27. Strawson P. F. Freedom and Resentment // *Proceedings of the British Academy*. 1962. No. 48. P. 187–211. (In Engl.).
28. Strawson P. F. Svoboda i obida [Freedom and Resentment] / trans. from Engl. E. V. Loginov // *Finikovyy kompot. Date Palm Compote*. 2020. No. 15. P. 204–221. DOI: 10.24412/2587-9308-2020-15-204-221. (In Russ.).
29. Shoemaker D. *Responsibility from the Margins*. New York: Oxford University Press, 2015. 262 p. (In Engl.).
30. Loginov E. V., Gavrilov M. V., Mertsalov A. V., Yunusov A. T. Prolegomeny k moral'noy otvetstvennosti [Prolegomena to Moral Responsibility] // *Finikovyy kompot. Date Palm Compote*. 2020. No. 15. P. 3–100. DOI: 10.24412/2587-9308-2020-15-3-100. (In Russ.).
31. Ananyev D. A. Ponyatiye i kontseptsii moral'noy otvetstvennosti [The Concept and Conceptions of Moral Responsibility] // *Finikovyy kompot. Date Palm Compote*. 2020. No. 15. P. 101–107. DOI: 10.24412/2587-9308-2020-15-101-107. (In Russ.).
32. Mertsalov A. V. Agentnost', tozhdestvo lichnosti i moral'naya otvetstvennost' [Agency, Personal Identity, and Moral Responsibility] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya. Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*. 2022. No. 5. P. 72–90. (In Russ.).
33. Frankfurt H. G. Freedom of the Will and the Concept of a Person // *The Journal of Philosophy*. 1971. Vol. 68, no. 1. P. 5–20. DOI: 10.2307/2024717. (In Engl.).
34. Wolf S. *Freedom within Reason*. New York: Oxford University Press, 1993. 174 p. (In Engl.).
35. Watson G. Two Faces of Responsibility // *Philosophical Topics*. 1996. Vol. 24, no. 2. P. 227–248. DOI: 10.5840/philtopics199624222. (In Engl.).
36. Smith A. M. *Attributability, Answerability, and Accountability: In Defense of a Unified Account* // *Ethics*. 2012. Vol. 122, no. 3. P. 575–589. DOI: 10.1086/664752. (In Engl.).
37. Ekstrom L. W. *A Coherence Theory of Autonomy // Philosophy and Phenomenological Research*. 1993. Vol. 53, no. 3. P. 599–616. DOI: 10.2307/2108082. (In Engl.).
38. Fischer J. M., Ravizza M. *Responsibility and Control: A Theory of Moral Responsibility*. New York: Cambridge University Press, 1998. 288 p. (In Engl.).
39. Reid T. O tozhdestve lichnosti. Fragment iz sochineniy Tomasa Rida [Of Personal Identity. Fragment from the Writings of Thomas Reid] / trans. from Engl. D. Eremin // *Finikovyy kompot. Date Palm Compote*. 2018. No. 13. P. 90–98. (In Russ.).
40. Locke J. Opyt o chelovecheskom razumenii [An Essay concerning Humane Understanding] / trans. from Engl. A. N. Savin // *Sochineniya. V 3 t. [Works. In 3 vols.]* Moscow, 1985. Vol. 1. P. 78–620. (In Russ.).
41. Weinberg S. *Consciousness in Locke*. Oxford: Oxford University Press, 2016. 240 p. (In Engl.).

MERTSALOV Andrey Viktorovich, Editor of Moscow Center for Consciousness Studies, Moscow; Director of Center for Consciousness Studies of Philosophy Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow. SPIN-code: 8294-9926
 AuthorID (RSCI): 1036246
 AuthorID (SCOPUS): 57196065953
 Correspondence address: a.mertsalov@hardproblem.ru

For citations

Mertsalov A. V. In defence of the standard psychological theory: can a person be a type? // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2023. Vol. 8, no. 4. P. 99–115. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-99-115.

Received October 10, 2023.

© A. V. Mertsalov